

ВСЁ ЖИВОЕ

Владимир КОЧЕТКОВ, известный велопутешественник, член Союза писателей России, член Русского географического общества. В 2014 году стал лауреатом конкурса «Добрая лира» (Санкт-Петербург) в номинации «Художественная литература для детей».

Живет в р.л. Сурское.

СПУТНИК

Спутника – маленькую рыжую собачонку – я помню ещё щенком. Я тогда был дома на зимних каникулах. Школа осталась позади, и я учился в Оренбургской области. Кутёнка принесли к нам, едва он открыл глаза, на пятый или шестой день жизни.

– Берите или утоплю! – равнодушно заявила хозяйка, угрюмая немолодая женщина.

Щенок был похож на крохотного медвежонка – такие у него были широкие круглые уши. Сходство усиливал большой чёрный подвижный нос и толстые мохнатые щёки. Они придавали малышу важный вид. Его нещадно грызли блохи, и от него остро пахло псиной.

– Что же с тобой делать? – осторожно взяла его в руки мама. – Как тебя кормить-то прикажешь? – кутёнок нахмурил брови, вместо ответа посмотрел на новую хозяйку исподлюбья и засопел.

Щенка поставили посреди комнаты, он стоял, раскачиваясь из стороны в сторону, озираясь по сторонам и удивлённо тычась в блюдечко с молоком. Молоко попало ему в нос, и он тут же смешно и чуть обиженно зачихал и зафыркал, а по-

том оглядел нас всех в недоумении и с плохо скрываемой детской обидой. Мама макнула палец в молоко и дала облизать щенку. Тот сначала упирался, отворачивался и даже хмурился, а затем, видимо, понял, что его хотят накормить, судорожно вцепился в палец и стал жадно обсасывать его со всех сторон.

– Ну вот и хорошо, – улыбнулась мама, и мы поняли, что наш дом пополнился ещё одним обитателем.

Имя ему нашлось быстро – Спутник.

– Мухтаром не назовёшь, – в раздумье почёсывая лоб, сказал мой младший брат Сергей, – больно уж строгое имя. Не на границе всё-таки. И Барбосом как-то стыдно. Слишком по-уличному. Вот Спутник – то, что надо! – родители пожали плечами. – Спутник, так Спутник, кличка хорошее. Мне показалось, что кличка понравилась и псу. Через неделю он отзывался на неё, радостно виляя хвостом, и торопился подойти на зов. Свои толстые лапы он ставил носками внутрь, бег его был неуклюжим, сбивчивым, и, помогая себе передвигаться вперёд, он усиленно мотал головой.

Воспитанием нового жильца занялся брат. Едва Спутник чуть-чуть подрос, Сергей завёл ему распорядок дня, стараясь придерживаться его неукоснительно. Пёс редко отлынивал, хотя ему приходилось делать много вещей, абсолютно ненужных дворовой собаке. Например, ходить по буму – горизонтальному бревну, укрепленному на высоте метра от земли. Или останавливаться во время игры, если вдруг раздавалась команда «сидеть», хотя даже хвост у него продолжал крутиться и вертеться сам по себе в этот момент.

Учеба не прошла даром. Спутник скоро приобрёл манеры благородного пса: научился гордо проходить мимо кур, не обращая на них внимания, научился хитрить и демонстративно закусывать губу, если был с чем-то не согласен, и вообще вскоре чувствовал себя полноценным членом нашей семьи.

На ночь его запирали в будке на вертушок, иначе он всю ночь напролёт мог пролаять спросонок, убеждая нас, что не спит и охраняет драгоценный покой.

Он доказал это однажды, когда в тёплую летнюю ночь его оставили незапертым. Спутник вышел во двор, осмотрелся, облаял для начала вечернюю зарю, рыкнул на кур, заставив их нырнуть в курятник, и выгнал за забор воробьёв. Затем улёгся у тарелки с остатками куриного ужина, насупил брови и терпеливо дождался восхода луны. Повыл немного на её появление, а потом долго объяснял соловьям, что настала ночь и пора прекратить пение. Он лаял не зло, но настойчиво до середины ночи. Отец не выдержал такого испытания, встал и проводил Спутника в будку. С тех пор пёс в обязательном порядке сладко спал в закрытой будке каждую ночь и выходил на службу только утром. Перед сном он получал что-то вроде снотворной таблетки – косточку, пирожок или кусок

пряника и даже обижался, если его отправляли спать без вечернего угощения.

Когда я, отслужив в армии, вернулся домой, Спутник был уже взрослым псом. Меня он невзлюбил. Скорее всего, он ревновал, а может быть, просто удивился – вот, мол, появился неожиданно-негаданно ещё один член семьи, которого все домашние любят и уважают. А за что, мол, такой ему почёт – и непонятно вовсе. Поначалу он даже старался меня просто не замечать. Скажем, не отзывался на мой зов. Или начинал внезапно чесаться при моём появлении, а иногда просто с презрением зевал, показывая длинный язык, похожий на влажную розовую тряпку. Даже конфеты из моих рук он брал так, словно делал великое одолжение.

Мы подружились неожиданно. Однажды, во время похода за водой к роднику, я спас его от огромной злой собаки. Мы тогда отправились втроём – я, Сергей и наш пёс. Спутник, хвастаясь, что идёт не один, твоявал во все стороны от распиравшей его гордости и важности. Собаки отвечали ему недружелюбным лаем, но, опасаясь нас, в драку не вязывались. Не стерпела одна – большая, чёрная, словно цыганская борода, старая псина. Она презрительно посмотрела на нашего провожатого из-под седых бровей, а затем прыгнула навстречу, одним ударом сшибла Спутника

на спину и, если бы я не подоспел, ему, пожалуй, пришлось бы очень плохо. С тех пор он окончательно примирился с моим появлением в доме, хотя до настоящей – бескорыстной – дружбы у нас дело так и не дошло.

Спутник был с нами везде – сопровождал в лес, хотя не имел ни малейшего представления о жизни лесных обитателей, бывал на рыбалке и на утренних пробежках. На зарядке он бежал какой-то особой рысцой,

быстрой и лёгкой, чуть кося взглядом назад и не допуская, чтобы кто-то из нас вырвался вперёд его. За это мы прозвали его Мирусом Ифтером по имени эфиопского бегуна-стайера. Спутник принял это прозвище как должное и даже отзывался на него. Видимо, он понял наше уважение к тому знаменитому эфиопу, понял, что прозвище вполне достойно его самого.

Иногда Спутника пускали в дом, но он не проходил дальше порога. Он сидел, скромно прижавшись к широкому дверному косяку, терпеливо ожидая дополнительного приглашения. Лишь после того как приглашение следовало, он проходил в комнату, но медленно и неуверенно, осторожно ставя ноги, словно боясь наследить. Стоило сказать хоть какое-то слово резким тоном, как он тут же поворачивал назад, и удержать его уже не было никакой возможности. Мне кажется, он считал своим настоящим домом двор, он словно распределил для себя: дом, мол, ваш, а двор мой.

Я понял, что он стареет, однажды, во время дальнего зимнего похода в лес. Снегу к февралю навалило

много, в лесу и на полях он лежал рыхлыми сугробами. Охотничьи лыжи не держали, во время каждого шага нога проваливалась по колено. Нас прошло трое, и всё равно позади оставалась не лыжня, а измятая снежная тропа. К середине пути Спутник подотстал. Сначала он бежал рядом, потом стал отставать, продолжая прыгать по нашим следам и стараясь не упустить нас из виду. На краю очередной поляны я обернулся. Пёс стоял на одном месте и смотрел нам вслед. Я позвал его, он попробовал прыгнуть вперёд, но не смог. Я тотчас повернул назад. Где-то мне приходилось слышать, что собаки не знают чувства усталости, и, если им приходится идти без отдыха, они идут до тех пор, пока выдерживает сердце, а потом ложатся и умирают. Эта мысль будто огненным лезвием полоснула меня, и я, внезапно испугавшись, прибавил что есть сил. Спутник ждал на одном месте и, когда я подошел, посмотрел в глаза. Во взгляде пса была благодарность, смешанная с чувством вины или неловкости за свою беспомощность. Я поднял его на руки и сунул за пазуху куртки. Он ещё раз посмотрел на меня, затем опустил голову и закрыл глаза, а я впервые обратил внимание на его поседевшие брови – до того дня я не задумывался о его возрасте. На твёрдой дороге он попросился вниз и легко добежал до дома, но в лес с тех пор с нами больше не ходил.

Последний год своей жизни Спутник редко выходил со двора, пожалуй, только, как говорится, «по нужде». Он не изменял этой своей привычке всю жизнь – никогда я не видел, чтобы он справлял нужду во дворе. Но однажды он не смог выйти из будки, не смог переступить высокий её порожек. В тот день Спутник плакал. Он сидел перед порогом своего маленького домика, и его седая, морщинистая морда была мокрой от слёз. Это были слёзы старика, прожившего жизнь и осознающего свой конец. Людям, наверное, легче, ведь они знают, что после них на Земле остаются их дети и внуки, что со смертью они не исчезают навсегда, без следа. Людей помнят, они живут в сердцах тех, кто их любил и кого любили они. А Спутник просто плакал от старости, от стыда и от бессилья.

С тех самых пор я смотрю вокруг чуть иначе. На животных, на деревья, на людей. Ведь и дерево наполнено жизнью и, наверное, имеет душу – потому-то истекает соком весной, грустит, засыпает в зиму. Не зря большие здоровые деревья, когда их валют, падают на землю со скрипом и стоном, навсегда прощаясь этим криком с миром и жизнью. Но, пожалуй, именно тогда, в тот день, в тот миг, я впервые по-настоящему, сердцем понял эту простую истину. Истину о единстве всего живого, о доброте, которой можно учиться, и такой короткой нашей жизни.

КОЛЮЧИЙ ТРУДЯГА

Когда-то вокруг нашего посёлка росли дремучие леса. Старожилы рассказывали, что лет сорок назад к самой околице приходили в холодные зимние ночи волки, что в лесах водились и медведи, и рыси, а по заячьим тропам будто бы можно было зимой ходить без лыж, как по дорожкам, так плотно они были утопты заячьими лапами. Сейчас леса поредели, а животные либо уходят подальше в самую

чащу, либо, наоборот, устраиваются рядом с человеком в надежде на его разум и доброе отношение. Например, в саду я часто вижу вместе с воробьями лесных птиц – дятла и кукушку, зимой время от времени появляются зайцы и лисы, летом же чаще всего можно увидеть обычного лесного ёжика.

Сад у нас довольно большой, есть и плодовые деревья, и цветники, и ягодники. Вдоль забора – заросли смородины и малины, причём малина разрослась густо, почти как в лесу. Думаю, именно поэтому нынешним летом ёжик облюбовал наш сад – вроде бы это и лес не лес, но и полем не назвать: есть где спрятаться, есть где погулять по просторам.

Вообще, пока ёжик не поселился у нас в саду, я знал о нём очень немного, больше по детским сказкам. Оказалось, наблюдать за ним так интересно, что

я не мог удержаться, чтобы не рассказать о своих впечатлениях!

Мы обнаружили его случайно – ёжик устраивал себе гнездо. Он, видимо, заработался, потому-то и попался нам на глаза. Вообще, ёж – зверёк сумеречный, не очень-то он любит делать какие-то дела днём, но в то утро ему, видимо, хотелось во что бы то ни стало закончить свою работу. Он облюбовал себе место под баней и терпеливо стаскивал туда сухую траву из кучи. Рядом с баней мы устроили компостную кучу, сваливая в одно место сорняки, и ёжик, осмотревшись, решил, что лучшего строительного материала ему не найти. Он бегал взад-вперёд от кучи под баню, перетаскивая пучки травы. Выглядело это довольно смешно. Ножки у него коротенькие и чуть кривые, но крепкие, с острыми коготками. Он выползал из-под бани и, действуя своей вытянутой мордочкой как небольшим тараном, легко продирался сквозь заросли цветов к заветной куче. Вскарabкивался на самый её верх, шарил там передними лапками, пробуя сложную траву на ощупь, выбирая наиболее сухие стебельки. Затем укладывал стебелёк к стебельку ровно в одну плотную охапку и, прихватив её своими крепкими острыми зубами, тащил в норку. На обратном пути он держал мордочку

поднятой очень высоко, но ни разу не сбился с пути. Иногда он наступал на слишком длинный стебелёк и вырывал его из охапки, но всякий раз, оттащив эту охапку, возвращался за потерянным стебельком. При этом, возвращаясь, он смешно двигал чутким носом, словно пытаясь отыскать свою потерю по запаху.

Мы налили молока и поставили блюдечко на самой тропе, напротив его лаза. Во время очередного похода за травой ёжик наткнулся на это блюдечко.

Он остановился, огляделся по сторонам, понюхал сначала воздух, потом молоко, затем осторожно обошёл блюдечко и побежал к компостной куче – видимо, он решил не отвлекаться на еду в разгар работы. На обратной дороге даже не стал обходить – так и протопал по молоку. Пришлось отодвинуть блюдечко в сторонку, так сказать, до лучших времён.

Подошёл кот Малыш.

Он живёт у нас так долго, что мы уже не можем представить без него дом. Малыш внимательно посмотрел на нас, затем на ежа. Его озадачил наш интерес к новому жильцу. До этой минуты Малыш был полноправным хозяином двора, теперь же он понял, что ему придётся делить не только территорию, но и наше внимание. Малыш опустил хвост, чуть пригнулся, подошёл к натоптанной ёжиком тропочке и стал ждать. Когда ёж появился, Малыш выгнул спину и приблизился вплотную к самому его носу. Ёжик едва заметно фыркнул, обошёл кота и побежал к куче, справедливо полагая, что тратить время на бесполезные «разговоры» просто некогда. Он даже не выставил в стороны колючки, просто пошёл своей дорогой – и всё. Явное ежовое пренебрежение так рассердило Малыша, что он даже весь вытянулся от негодования. Затем было прыгнул за ежом, желая как-то проучить его, но благоразумие взяло верх, и он остановился. Понюхал ежовые следы на тропе, сунул нос под баню, огляделся. Подошёл к блюдечку и медленню, с каким-то едва заметным презрением выпил

молоко. Затем отвернулся и пошёл бродить по саду.

Ёжик стаскивал траву всё утро, затем затих. Вечером мы снова увидели его. Он так же деловито, быстро переставляя свои короткие ножки, бегал меж грядок с клубникой, меж листьев капусты. Ничего не собирал, просто по-хозяйски оглядывал свои новые владения. Спустя какое-то время забрался в малинник и там, видимо, заснул. Появившийся к этому времени Малыш пытался «поговорить» с ним и здесь, сунулся

было в заросли малины, но через несколько секунд выскочил, словно ошпаренный, провожаемый злым шипением и фырканием. Он выскочил на дощатую дорожку, с опаской огляделся и, стараясь не привлекать внимания, потрусил к забору. Вскрабклся повыше и принялся тщательно вылизывать себя, начав от кончиков лап и закончив носом, затем спрыгнул вниз и, степенно переставляя ноги

и держа голову высоко приподнятой, пошёл в дом. Проходя мимо зарослей малины он, не поворачивая головы и стараясь не терять достоинства, чуть скосил глаза в сторону предполагаемого недруга. У входа в дом он на миг остановился и, не опуская головы, посмотрел назад, затем с тем же достоинством отвернулся и перешагнул порог.

Когда-то я прочитал, что индейцы лесов Северной Америки величали всех животных Маленьким Народом. Именно так – с большой буквы и неизменным уважением Они наделяли животных и характером, и умом. Во время охоты они старались не столько выследить зверя, сколько перехитрить его. Даже наблюдая за самыми известными и хорошо знакомыми лесными и домашними обитателями, можно убедиться в индейской правоте – животные действительно напоминают особый народ, они стоят того, чтобы наблюдать за их жизнью. Интересное рядом, стоит лишь только чуть более внимательно посмотреть по сторонам!

